

*М. Г. Цуциева***К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЗМЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА**

Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, Российская Федерация, 194064, Санкт-Петербург, К-64, Тихорецкий проспект, 3

В данной статье рассматривается языковая личность политика как синкретический динамический феномен, что выражается, с одной стороны, во взаимодействии трех уровней структуры языковой личности, предложенных Ю. Н. Карауловым, с другой стороны, в системном функциональном взаимодействии коммуникативных стратегий и тактик, используемых языковой личностью политика в речевом дискурсе. Ведущей типовой стратегией речевой деятельности политика является персуазивная стратегия, направленная на достижение основной цели политической коммуникации — победы в борьбе за власть. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: синкретизм, динамизм, языковая личность политика, стратегии, тактики, политический дискурс.

TO THE QUESTION OF SYNCRETISM IN A POLITICIAN'S LINGUISTIC PERSONALITY*M. G. Tutsieva*

Military Academy of Telecommunications n. a. S. M. Budenniy, 3, Tikhoretskiy pr., St. Petersburg, 194064, Russian Federation

In this article, the linguistic personality of a politician is seen as a syncretic phenomenon that is expressed, on the one hand, in the interaction of the three levels of patterns of linguistic identity, proposed by J. N. Karaulov, on the other hand, in the systemic functional interaction of communicative strategies and tactics used by the language of identity politics in the spoken discourse. The leading typical strategy of speech activity policy is a persuasive strategy aimed at achieving the main goal of political communication — victory in the struggle for power. Refs 18.

Keywords: syncretism, dynamism, language of identity politics, personality of politician, strategy, tactics, political discourse.

Расширение границ исследования изучаемых объектов вызвало определенную переориентацию задач лингвистики текста и их встраивание в логику дискурса и в дискурс-анализ. Появление термина «дискурс», история его становления и создания основных концепций дискурса отражают сдвиг в научной парадигме, переход от внутренней к внешней лингвистике, а также постоянно растущий интерес к исследованию функционирования языка в разных областях жизни языкового сообщества, взаимодействия языковой и социальных практик, роли языка в развитии и становлении языковой личности и языкового коллектива.

Современное состояние лингвистических исследований в значительной степени определяется стремлением к описанию языка в связи с его носителем — человеком. «Человекомерность» науки ориентирует на новое понимание дискурса и текста, заставляет видеть в них процесс и результат ментальной деятельности человека, аргумент, с помощью которого меняется картина мира в сознании реципиента [1; 2]. «Синкретизм» относится к ключевым понятиям современной эпохи и воплощает тенденцию к интеграции научного знания и формированию новой единой картины мира в условиях глобализации культурной, научной и социально-политической жизни общества. Синкретический характер исследований в современной лингвистике, ее антропоцентричность обуславливают возникновение новых тенденций научных исследований, в основе которых — взаимопроникновение разных отраслей научного знания.

Термин «синкретизм» обозначает соединение, объединение разных сущностей. Для более углубленного понимания феномена синкретизма в лингвистических исследованиях целесообразно обратиться к работам В. В. Бабайцевой, созданных ею в конце 60-х годов XX в. [3; 4], в которых автор определяет синкретизм как совмещение семантических и грамматических свойств разных языковых явлений, что положило начало исследованиям переходности и синкретизма в грамматическом строе современного русского языка. В. В. Бабайцева ввела в научный обиход термин «синкретичные явления» для обозначения феноменов зоны синкретизма (контаминации, совмещения, синтеза) между противопоставленными типичными категориями [3, с. 17]. Синкретизм свойствен всем уровням языка и речи.

Безусловно, рассматривая понятие «синкретизм» как совмещение свойств разных явлений, нельзя не обратиться к сходному понятию «синтез». Синтез (от греческого *synthesis* 'соединение, сочетание') определяется как «соединение (мысленное или реальное) различных элементов объекта в единое целое (систему); синтез неразрывно связан с анализом (расчленением объекта на элементы)» [5, с. 375]. Таким образом, в лингвистике представления о синкретизме и синтезе оказываются достаточно близкими, поскольку на новом «витке» осмысления понятия лингвистического синкретизма представление о нем как о совпадении сменяется представлением о недискретности, которая осознается как соединение свойств, совмещение признаков [6, с. 17].

Понятие «синкретизм» органично включается в исследовательский контекст изучения специфики современного немецкого политического дискурса как одного из наиболее актуальных объектов современных исследований. Начиная со второй половины XX в. политический дискурс находится в центре внимания исследователей — представителей гуманитарных наук и является одним из новых и весьма перспективных исследовательских объектов в области современной лингвистики, что обусловило возникновение нового научного направления, а именно политической лингвистики (Р. Водак, О. Л. Михалева, Е. И. Шейгал, Т. В. Юдина и др.). Исследование политического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин, таких как политическая лингвистика, теория дискурса, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнокультурология и др., и связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [7, с. 104]. В основе политического дискурса — совокупность идеологических взглядов, которые реализуются в текстах, циркулирующих в дискурсе и связанных единством целеустановок конкретного идеологического пространства. Специфика политического дискурса как когнитивного и коммуникативно-прагматического пространства вмещает в себя сферу социального и индивидуального существования человека и позволяет осмыслить специфику осуществляемых в ней процессов концептуализации мира и коммуникативных процессов.

Методологической основой современной политической лингвистики является дискурс-анализ, который позволяет вскрыть механизмы взаимодействия власти, познания, речи и поведения участников политической коммуникации. Под дискурс-

сивным анализом мы, вслед за М. О. Макаровым, понимаем интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социокультурной обусловленности [8]. Согласно немецкой традиции дискурсивного анализа, дискурс, с одной стороны, понимается как совокупность речевых действий в социокультурном и историческом контексте, в которых производятся и воспроизводятся коллективное знание, мышление, чувства, устремления, обязательства социальных групп и гетерогенной языковой общности. Такое понимание дискурса подчеркивает особую связь употребления языка с общественной практикой, социальной деятельностью и культурно детерминированным знанием [9]. С другой стороны, дискурс можно определить как институционализированную, конвенционализированную манеру речи, отсылающую к поведению людей и отношениям доминирования. Также дискурс рассматривается как поток текста и речи во времени, имеющий исторические корни, влияющий на настоящее и определяющий будущее. Различные дискурсы сложно переплетаются в текстах (*diskursives Gewimmel*) [10], и единственным средством, которое способно внести ясность в этот «хаос», является подробный методологически обоснованный дискурс-анализ [10].

Характеристика политического дискурса как синкретического феномена требует определения его границ. Данный вопрос сопряжен с проблемой институциональности политического дискурса и с двумя возможными подходами к ее решению: узким и широким. При узком понимании политический дискурс будет ограничен только институциональными формами общения (реализуемыми, например, в таких типах текстов, как инаугурационная речь, указ, послание президента о положении в стране и др.), которые осуществляются в общественных институтах, где общение является составной частью их организации. Поскольку социальный институт представляет собой «определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в определенных ситуациях» [11], то следует вести речь об определенном наборе типичных для данной сферы коммуникативных событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной (и этой типичностью ограниченной) тематике общения. Широкий подход к анализу политического дискурса в политической лингвистике представлен, в частности, точкой зрения Е. И. Шейгал, которая в качестве компонентов данного вида дискурса рассматривает «субъекта, адресата, любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [12]. Данный подход опирается на следующие уровни в определении границ политического дискурса. На первом уровне его можно рассматривать как институциональный дискурс, как некоторую номенклатуру действий в институциональной сфере, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране и мире между странами. С другой стороны, политический дискурс — личностный, он представляет собой сам способ, которым первый уровень (институциональный) актуализируется в индивидуальном сознании, как он проявляется в личности, в семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также в восприятии человеком произведений литературы и искусства [11; 12; 13,]. Соответственно, первый уровень представлен институциональными видами политического дискурса, второй — неинституциональными видами. Политический дискурс не может быть ограничен только статусно-ориентированным общением, поскольку он «предназначен для оказания влияния на распределение и использование власти в обществе» [12] и открыт для

всех членов языкового сообщества. Однако, возможно выделение и третьего уровня политического дискурса — это массмедийный политический дискурс, в который входят преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета.

На наш взгляд, можно утверждать, что политический дискурс находится в «зоне синкретизма». Принадлежность к этой зоне предопределяет сочетание в политическом дискурсе дистинктивных характеристик массмедийного и собственно политического дискурсов, а также наличие уровня, представленного институциональными видами политического дискурса, и уровня, реализуемого неинституциональными видами. Соответственно, «зона синкретизма» политического дискурса — это не только совмещение языковых черт тех или иных функциональных стилей, но и выражение интеграции различных типов человеческого мышления.

Синкретический характер политического дискурса предполагает и синкретизм его функций. Политический дискурс выполняет противоречивые функции. С одной стороны, важно, чтобы он был доступным для понимания в соответствии с задачами пропаганды, а с другой стороны, ориентированность на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам) часто противоречит доступности политического языка [14, с. 22]. Так, партийная программа призвана убеждать, агитировать, пропагандировать (персуазивная функция), при этом необходимо, чтобы связь каждого пункта программы с идеологией данной партии или группы была очевидной, т. е. каждое требование, каждый поступок были аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией (аргументативная функция). Перспективные программы партий не растворяются в отдельных обещаниях, ориентированных на сугубо сегодняшнюю политическую ситуацию. Предлагаемая политиком модель будущего мира также представляется эксплицитно (персуазивно-функциональная функция), чтобы для избирателя было ясно, почему данная программа превосходит все другие. Новые идеи и планы политика актуализируются в процессе (риторико-диалогической) дискуссии с представителями других политических направлений и идеологий (дистанцирующая функция). В результате такого дистанцирования реализуется следующая функция — функция группового объединения. Программа должна в языковом и содержательном плане воплощать идентичность данного политического направления, а также формировать ее [14, с. 23]. В связи с этим встает вопрос о получении и удержании власти, т. е. о создании такой дискурсивной среды, основные компоненты которой соответствовали бы основным ценностям (мнения, суждения, верования, предубеждения) аудитории.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъект политики (политический деятель, политическая партия или движение) сознательно использует определенные когнитивные установки для максимального соответствия дискурсивных сред (своей и аудитории). Кроме того, никакая манипуляция невозможна без соответствующей ориентации в координатах ценностных предпочтений аудитории. В связи с этим на первый план среди функций политического дискурса мы выносим персуазивную и контролирующую функции.

Специфические параметры политического дискурса как синкретического феномена позволяют исследовать языковую личность политика как динамичный синкретический феномен. Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении

которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность [15]. Результат позиционирования субъекта в дискурсе определяется в дискурсивной психологии как идентичность, которая выявляется в языковом устройстве интеракции. Социальные и биокогнитивные условия существования и функционирования языковой личности, с одной стороны, и законы организации системы языка — с другой, определяют динамику языковой личности.

В ходе изучения языковой личности по отношению к понятию «политик» можно выделить следующие типовые признаки, объединяющие его с другими типами языковых личностей: политик — это человек определенного возраста, определенного пола; родом из определенного физического/социального региона, занимающийся специфической профессиональной деятельностью и придерживающийся каких-либо политических взглядов. Но существует и ряд дифференцирующих признаков, выделяющих политика из ряда других типов личности по таким критериям, как, например, то, что политика является для субъекта профессиональной деятельностью, профессиональная принадлежность к определенному политическому институту, выполнение политических функций.

Политик выступает как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса (Я-индивидуальное, политик как уникальная языковая личность) и как субъект институционального дискурса (Я-социальное, политик как представитель определенного социального института), что обуславливает особенности его речевой деятельности, закрепляемой в создаваемых им текстах. Деятельность интересующего нас когнитивно-речевого субъекта политической коммуникации нацелена прежде всего на реализацию персуазивной функции, иными словами — функции воздействия, доминирующей над познавательной и направленной на достижение основной цели политической коммуникации — борьбе за власть. Политик как языковая личность актуализируется в дискурсе. Таким образом, можно говорить о трансформации языковой личности в дискурсивную. Именно в дискурсе личность выявляет свои индивидуальные признаки: этнические, профессиональные, возрастные, гендерные и др. Исследуя речевые стратегии и тактики языковой личности как субъекта политического дискурса в логике дискурс-анализа, их можно рассматривать как способ реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности [15].

Языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен. В процессе осуществления ею дискурсивной деятельности в текстах как «следах» дискурса актуализируются как надындивидуальные, так и индивидуальные черты личности политика. Изучение текстов как «следов» дискурса позволяет рассматривать языковую личность политика как синкретический динамический феномен, что выражается, с одной стороны, во взаимодействии трех уровней структуры языковой личности, предложенных Ю. Н. Карауловым, — вербально-семантического уровня, в котором отражается владение лексико-грамматическим фондом языка, когнитивного, репрезентирующего языковую картину мира, и прагматического, включающего в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [16]. Однако динамизм проявляется в системном функциональном взаимодействии коммуникативных стратегий

и тактик, используемых языковой личностью в речевом дискурсе. В ряду таких стратегий и тактик можно выделить как типовые, отличающие речевую деятельность политика от речевой деятельности других типов языковой личности, так и индивидуальные. Это связано со сложным переплетением в политической деятельности личности объективных и субъективных факторов, в том числе названных выше. Ведущей типовой стратегией речевой деятельности политика, как было уже указано, является персуазивная. Кроме того, мы выделяем информационно-интерпретационную стратегию, реализуемую тактикой информирования, тактикой признания существования проблемы, тактикой разъяснения, тактикой прогнозирования, стратегией самопрезентации, которая реализуется посредством тактики идентификации, тактики самооправдания, тактики положительной самооценки, а также стратегию дискредитации оппонента, реализуемую посредством тактики обвинения, тактики оскорбления и тактики угрозы.

Обратимся к конкретным примерам. На заседании Бундестага, посвященном решению социальных проблем обсуждалась необходимость внесения изменений в закон о создании социальных фондов для помощи престарелым и одиноким людям. Пиа Циммерманн, представительница партии левых, в своем публичном выступлении заявила: "Frau Präsidentin! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Seit Herbst letzten Jahres legen sich in Deutschland in vielen Städten immer mehr Menschen samstags fünf vor zwölf auf die Straße und auf Plätze. Damit wollen sie zum Ausdruck bringen, dass in der Pflege hierzulande etwas nicht in Ordnung ist, dass die Pflege hierzulande am Boden liegt. Ich selber habe 15 Jahre im Pflegebereich gearbeitet und weiß genau: Sie legen sich auf die Straße für mehr Wertschätzung und Anerkennung ihrer Arbeit, für ein grundsätzlich anderes Verständnis von Pflege und für eine menschenwürdige Pflege. Die Linke unterstützt dieses Anliegen; denn gute und umfassende Pflege ist ein Menschenrecht. Und was machen Sie, meine Damen und Herren von der Großen Koalition? Sie täuschen Handlungsbereitschaft vor, anstatt die Probleme in der Pflege ernsthaft anzugehen".

В своей речи Пиа Циммерманн применяет, с одной стороны, информационно-интерпретационную стратегию, актуализируемую тактиками информирования, признания существования проблемы ("in der Pflege hierzulande etwas nicht in Ordnung ist, dass die Pflege hierzulande am Boden liegt"), а с другой стороны, стратегию самопрезентации, реализуемую тактиками идентификации и положительной самооценки ("Ich selber habe 15 Jahre im Pflegebereich gearbeitet und weiß genau..."). Г-жа П. Циммерманн демонстрирует свою личную осведомленность об актуальной социальной проблеме. Политик разъясняет, описывает реальное положение дел, прибегая к метафорическим оборотам ("die Pflege hierzulande am Boden liegt") для того, чтобы усилить персуазивный эффект от своей речи, и применяет стратегию дискредитации оппонента ("Die Linke unterstützt dieses Anliegen; denn gute und umfassende Pflege ist ein Menschenrecht. Und was machen Sie, meine Damen und Herren von der Großen Koalition? Sie täuschen Handlungsbereitschaft vor, anstatt die Probleme in der Pflege ernsthaft anzugehen"). Используя тактику обвинения, г-жа П. Циммерманн противопоставляет деятельность партии левых и деятельность «большой коалиции», которая, по словам политика, недостаточно понимает остроту насущных проблем и необходимость их решения и просто симулирует, создает видимость деятельности вместо того, чтобы действовать по-настоящему.

Реализуя вышеназванные стратегии и тактики в своей речи, г-жа П. Циммерманн выступает не только как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса, но и как субъект определенного политического института, в данном случае — партии левых. Следовательно, можно сделать вывод о том, что адресант политического текста может репрезентироваться и как индивидуальный моноадресант (*ich*), и как коллективный полиадресант (*die Linke*), в чем проявляется синкретическая природа языковой личности политика как субъекта политического дискурса. Кроме того, рассматривая данный отрывок речи П. Циммерманн, заметим, что синкретическое взаимодействие различных стратегий и тактик в речи политического деятеля (информационно-интерпретационной, самопрезентации и дискредитации оппонента) создает своеобразный эффект усиления, который способствует наиболее успешной реализации основной типовой (мета)стратегии политического дискурса — персуазивной и обеспечивает эффективность политической коммуникации, что для основного политического субъекта, т. е. политика, означает победу в борьбе за власть [17].

Одним из возможных подходов к изучению языковой личности политика, т. е. типичного представителя данной социальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения, как синкретического феномена, на наш взгляд, может быть выделение ее прототипических характеристик, а также определение индивидуальных характеристик, при выявлении которых учитываются личностные предпочтения субъекта дискурса — например при использовании определенных, свойственных именно данной языковой личности речевых стратегий и тактик на фоне типовых стратегий. Склонность личности к определенному речевому поведению объясняется тем, что из всего богатства и многообразия каждая языковая личность выбирает — «присваивает» — именно то, что соответствует устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражает тем самым, по Ю. Н. Караулову, «вечные, незбылемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит и определяющие ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту» [16, с. 35].

Интегрирующим исследовательским феноменом, который позволяет организовать системное динамическое изучение процесса развития языковой личности политика и в прототипическом (нормативном, типологическом), и в персонологическом (индивидуальном) аспекте, является, на наш взгляд, речевой портрет как совокупность речевых проявлений, действий языковой личности политика и общей совокупности форм его речевого поведения. Тем самым речевой портрет представляет собой определенный срез, который устанавливает исследователь в процессе работы на основе текстоцентрического принципа изучения дискурса языковой личности. Понятие «речевой портрет», на наш взгляд, логично встраивается в антропоцентрическую парадигму современных лингвистических исследований.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу различных типов языковой личности и включающих те или иные аспекты изучения самого речевого портрета (в первую очередь по отношению к художественному тексту), исследованию речевых портретов современных политических деятелей Германии в дискурсивном аспекте и выявлению параметров их интерпретации с лингвистической точки зрения не было уделено должного внимания.

Изучая личность политика как дискурсивную личность, мы исходим из того, что это интерактивная личность, обладающая «коммуникативным паспортом», т. е.

системой типовых и индивидуальных дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации и оставляющих свои следы в создаваемых текстах [18].

Рассматривая речевой портрет, необходимо обратиться к понятию «имиджа» политика, который во многом создается именно с помощью языковых и речевых средств и умений, поскольку речевое поведение лидера — его существенный параметр, который оценивается непосредственно адресатом, наблюдающим его в беседе с журналистом, слушающим интервью по радио, читающим текст его обращения к избирателям в прессе. Для создания речевого портрета важны три стороны имиджа политика, или того образа, который состоит из его собственного представления о себе как о политике, представления этого политика в СМИ и непосредственного представления публики, т. е. избирателей, которые собственно и являются главными «объектами» профессиональной деятельности политика, в том числе и речевой. В речевом портрете наблюдается совмещение этих трех сторон имиджа политика, его функций в качестве языковой личности, действующей на различных уровнях политического дискурса, что также, на наш взгляд, обусловлено тем, что политик является субъектом политического дискурса — феномена синкретической природы.

Таким образом, синкретизм политического дискурса обуславливает синкретизм его основного субъекта — языковой личности политика. В процессе осуществления дискурсивной деятельности языковая личность политика актуализируется как синкретический динамический феномен дискурса и текста, что выражается, с одной стороны, во взаимодействии трех уровней структуры языковой личности, а с другой стороны, это проявляется в системном функциональном взаимодействии коммуникативных стратегий и тактик, используемых языковой личностью в речевом дискурсе. Ведущей типовой стратегией речевой деятельности политика является персуазивная стратегия, направленная на достижение им основной цели политической коммуникации — победы в борьбе за власть.

Литература

1. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
2. Щирова И. А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 (050300) Филологическое образование. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 2005. 155 с.
3. Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: сб. науч. и научно-метод. статей / под ред. проф. К. Э. Штайн. М., Ставрополь: СГУ, 2010. 400 с.
4. Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. / [редкол.: В. В. Бабайцева (отв. ред.) и др.]. М.: Прометей, 1991. 266 с.
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб.: Большая Рос. энцикл.; НОРИНТ, 1998. 1434 с.
6. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 34 с.
7. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / eds G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
9. Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik // Sprachgeschichte des Neuhochochdeutschen, Gegenstände, Methoden, Theorien / Hrsg. A. Gardt, K. J. Mattheier, O. Reichmann. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 69–101.

10. Jäger S. Einen Königsweg gibt es nicht. Bemerkungen zur Durchführung von Diskursanalysen // Das Wuchern der Diskurse: Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults / Hrsg. H. Bublitz, A. D. Bührmann, Ch. Hanke, A. Seier. Frankfurt a/M.; New York: Campus Verlag, 1999. S. 136–147.
11. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
13. Аналитическая психология = Analitical Psychology: словарь (с англ. и нем. эквивалентами). Учеб. пособие для доп. образования / сост. и авт. В. В. Зеленский. СПб.: Б. С. К., 1996. 324 с.
14. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной; Волгоград, гос. пед. ун-т, науч.-исслед. лаб. «Язык и личность». Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
15. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
16. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: URSS: ЛКИ, 2007. 261 с.
17. URL: <http://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/index.html> (дата обращения: 10.07.2014).
18. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S. 279–282.

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2013 г.

Контактная информация

Цуциева Марина Г. — кандидат педагогических наук, заведующей кафедрой иностранных языков; Maria-TS@yandex.ru

Tcutcieva Mariia G. — Candidate of Pedagogy, head of department; Maria-TS@yandex.ru